

**НАБЛЮДЕНИЯ НАД УПОТРЕБЛЕНИЕМ ПЕРФЕКТА В
ДРЕВНЕЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ ТЕКСТАХ**

(К вопросу о природе грамматического значения)*

Рассмотрим для примера совокупности действий, которые мы называем «играми». Я имею в виду настольные игры, игру в карты, игру в мяч. Олимпийские игры, и т. д. Что у них у всех общего? — Не говори: «*Должно* быть что-то общее, иначе их не назвали бы “играми”» — но *посмотри*, имеется ли что-нибудь общее им всем. Потому что, если на них посмотришь, то не увидишь ничего, что было бы общим для *всех*, а увидишь подобия, сродство, и притом самого различного рода. Как я уже сказал: не рассуждай, а смотри! — Взгляни, например, на настольные игры с их многообразными отношениями сродства. Теперь перейди к играм в карты: тут ты найдешь много соответствий с первой группой, но многие ее общие черты пропадают, и появляются иные. Если мы теперь перейдем к играм в мяч, кое-что из общего по-прежнему останется, но и многое будет потеряно. — Являются ли все игры «развлечением»? Сравни шахматы с игрой в крестики-нолики. Или, может быть, в игре всегда есть победа и поражение, или состязание между играющими? Не забывай о терпении. В игре в мяч есть победа и поражение; но когда ребенок кидает мяч об стену и ловит, этот признак исчезает. Посмотри на роль мастерства и везения; и как различны везение в шахматах и мастерство в теннисе. Подумай теперь об игре в хороводе: элемент развлечения здесь имеется, но как много других характерных признаков пропало! <...> По-моему, невозможно подыскать лучшего наименования для того чтобы охарактеризовать такие подобия, чем «*семейное сходство*»; ведь именно таким образом частично совпадают друг с другом и скрещиваются различные черты сходства между членами одной семьи: рост, черты лица, цвет глаз, походка, темперамент etc. etc. — Так что я скажу: «*игры*» образуют семейство. [Wittgenstein 1953: §§ 1,66—67]

«Перфектом» в грамматиках древнецерковнославянского языка (ДЦС)¹ принято называть составную форму прошедшего времени, образуемую сочетанием причастия на -лѣ и

* Статья написана на основе доклада, прочитанного на состоявшейся в июне 2001 г. в ИРЯ РАН международной конференции «Языкознание sub specie русистики: итоги и перспективы». См. №1 (3) и №2 (4) РЯ за 2002 г.

¹ Я предпочитаю наименование «древнецерковнославянский», аналогично с нем. *altkirchenslavische*, англ. *Old Church Slavonic*, более обиходному термину «старославянский», поскольку последний оставляет невыраженным важнейший признак ДЦС — то, что он являлся сакральным языком славян, специально созданным для нужд церковной службы и духовного просвещения. Между тем, как будет видно из дальнейшего, эта сторона ДЦС имеет принципиальное значение для предмета настоящей статьи.

вспомогательного глагола в настоящем времени: **далъ кси, съхранилъ кстѣ**². По своему строению она соответствует перфекту во многих языках нового времени, выросших, генетически либо в результате калькирования, на почве классических языков³. Этот формальный параллелизм часто автоматически переносится на ее значение: во многих, если не во всех, общих курсах ДЦС значение «перфекта» истолковывается — как правило, без дальнейших комментариев — как действие/событие в прошедшем, продолжающееся либо обнаруживающее некий результат в настоящем⁴.

Здесь не место говорить о том, насколько такое определение соответствует реальному употреблению перфекта, скажем, в английском или французском языке; что касается ДЦС, то проблематичность такой интерпретации становится очевидной при рассмотрении конкретных случаев, когда составная форма фигурирует в ДЦС текстах. Соотношение между греческим оригиналом и ДЦС переводом в отношении употребления перфекта, по сути, произвольно: и греческий аорист, и греческий перфект могут передаваться

² Против этого названия, однако, возражал еще Потебня [Потебня 1958: 255—257], впервые указавший, что значение данной формы не имеет прямого отношения к «перфектности» в собственном смысле. Тем не менее, обозначение составной формы термином «перфект» остается практически общепринятым; одно из немногих исключений в новейшей литературе составляет недавнее исследование Вечерки [Večerka 1993: 166—169], который предпочитает называть эту форму «перифрастической формой на -л» («die 1-Periphrase»). Я следую общеупотребительному наименованию из соображений удобства.

³ Как известно, уже в древнейших памятниках древнерусского языка связка 3 л. ед. часто опускается — настолько часто, что уже для этого времени есть возможность говорить о двух параллельных формах перфекта в 3 лице — простой и составной: [Истрина 1923: 53—54; Van Schooneveld 1959: 107]. Но в ДЦС эта тенденция выражена значительно слабее. Из известных нам памятников Супр. показывает значительное число опущений связки **кстѣ** — но и здесь, конечно, их гораздо меньше, чем полных составных форм: [Вайан 1952: 280; Деянова 1970: 147—148; Достал 1963:120].

⁴ Укажем лишь некоторые наиболее известные примеры: [Селищев 1952: 173; Хабургаев 1974: 284; Мейе 2000: 212; Вайан 1952: 381; [Грамматика 1991: 299, 446; Lunt 1974: 98; Schenker 1995: 148; Schmalstieg 1983: 156] (последний автор прямо утверждает, что значение ДЦС формы «подобно английскому Present Perfect»). Из более специальных исследований, берущих за основу «перфектность» (т. е. результативность/актуальность) ДЦС перфекта, отмечу в особенности диссертацию Маслова [Маслов 1957: 11], известную мне по работе [Бунина 1959], а также [Достал 1963].

либо аористом, либо перфектом в ДЦС (Večerka 1993: 166; Деянова 1970: 137⁵). То же можно сказать, если сопоставить ДЦС текст Евангелий с употреблением простого прошедшего и перфекта в Лютеровской Библии или King James Bible, Приведу только один пример — слова Иисуса, обращенные к Богу [И.; 17, 8]:

и и глаы аже далъ еси [п] дахъ [а] имъ и ти приаша [а]⁶

ῥήματα ἃ ἔδωκάς [а] μοι δέδωκα [п] αὐτοῖς, καὶ αὐτοὶ ἔλαβον [а] [Greek New Testament: 389]

For I have given [п] unto them the words which thou gavest [а] me: and they have received [п] them [King James: 100]

Соотношение аориста (или простого прошедшего) и перфекта у трех глаголов в этом кратком фрагменте таково — ДЦС: п—а—а; Греч.: а—п—а; Англ. (если считать формы в том же порядке, в каком они следуют в ДЦС и Греч.): а—п—п. Особенно примечательно прямо противоположное соотношение временных форм в выражениях ‘я дал’ и ‘ты дал’ в греческой и ДЦС версии — примечательно тем более, что в подавляющем большинстве употребление аориста и имперфекта (но не перфекта!) в ДЦС текстах следует греческому оригиналу. Если считать, что инвариантным значением перфекта является результативность, приходится признать, что сам феномен результативности получает различную, иногда просто противоположную трактовку в разных языках.

В целом ряде работ делалась попытка выработать более сложную формулировку «перфектности», способную вместить в себя всю разнородность конкретных примеров. Некоторые авторы предпочитают говорить об «актуальности» события, обозначенного перфектной формой [Маслов 1957], либо о наличии какой бы то ни было отнесенности к настоящему [Večerka 1993: 168], а не о результативности в более узком смысле. Дальнейшее усложнение модели находим у Буниной [1959], характеризующей перфект как относительное время, соотнесенное не непосредственно с моментом речи, но с «периодом настоящего»; под последним понимается более широкий и подвижный отрезок времени, способный охватить, в зависимости от характера

⁵ В частности, Деянова указывает, что из 22 случаев употребления перфекта в Клоц. только три совпадают с греческим.

⁶ Список источников, по которым цитируются ДЦС примеры, см. в конце настоящей статьи. Поскольку расхождения между наличными версиями одного и того же текста (неприменительно к различным Евангельским кодексам), как правило, не имеют существенного значения для нашего анализа, я обычно ограничиваюсь, в случае Евангелий, указанием на общий источник, без спецификации той или иной из четырех версий: [Зогр.], [Мар.], [Ассем.] и [Сав. Кн.]. Конкретный источник указывается лишь тогда, когда вариация имеет последствия для смысла анализируемого фрагмента. В остальных случаях пример дается лишь с общей отсылкой к Евангельскому тексту: Матфей (Мф.), Марк (Мк.), Лука (Л.), Иоанн (И.), с обозначением главы и строфы.

ситуации, и часть прошлого, и обозримое будущее. Модель Буниной хорошо объясняет случаи, когда ДЦС перфект употребляется в значении предпрошедшего, либо имеет экстемпоральное значение. Но само понятие периода настоящего оказывается настолько пластичным, что определение его очертаний в каждом конкретном случае с легкостью подчиняется интерпретирующей воле автора модели⁷.

Конечно, в большинстве, если не во всех случаях, ситуация, обозначенная перфектом, так или иначе «относится» если не собственно к настоящему, то к более широкому «периоду настоящего». Но то же можно сказать о большинстве пропозиций с какой бы то ни было формой прошедшего времени. По справедливому замечанию Комри [Comrie 1985: 43], специальное обозначение прошедшего, лишённого имплицитной отнесенности к последующему состоянию, является скорее исключением, встречающимся в очень немногих языках. Когда Иисус в приведенном выше примере обращается к Богу: **и глы ажже далъ еси дахъ имъ**, — должны ли мы заключить, что передача Слова от Отца к Сыну (перфект) имеет связь с настоящим, а передача его от Сына к апостолам (аорист) не имеет? Скорее, если уж мыслить в таких категориях, более естественным кажется обратное толкование, что и нашло отражение в том, как употреблен перфект в греческом и английском тексте. Приходится предположить, что логика употребления перфекта и аориста в этом месте ДЦС текста должна лежать в какой-то иной плоскости.

Некоторые авторы отказываются от понятия «перфектности» в традиционном смысле при истолковании ДЦС перфекта. Якобсон фактически определял ДЦС перфект как предпрошедшее время [Van Schooneveld 1959: 87]; значение предпрошедшего действительно присутствует во многих случаях употребления перфектной формы (в частности, в рассмотренном примере), но, конечно, отнюдь не во всех. По поводу древнерусского перфекта Истрина [1923: 116] высказала предположение, что перфект представлял действие вне его развития во времени. Развивая ее идею, Ван Схуневельд приходит к выводу, что фундаментальной функцией перфекта является изъятие действия из временного контекста, представление его как данного факта: «перфект не рассказывает, но объективирует» [Van Schooneveld 1959: 94]. Эта идея в принципе хорошо объясняет протеистическую легкость, с которой перфектная форма способна и констатировать некое предшествующее состояние, и отсылать к предпрошедшему временному слою,

⁷ Еще более радикальное проявление такой тенденции находим в детальном исследовании [Amse-De Jong 1974]. Автор выстраивает сложнейшую систему различных компонентов, из которых может складываться значение временной формы (Event, Event Period, Full Event, Full Event Period, Narrated Event, Narrated Period, Marked Period etc.), после чего каждый конкретный случай употребления выводится из той или иной комбинации исходных компонентов. При этом сам объяснительный аппарат оказывается настолько сложным, а границы между различными компонентами настолько туманными, что приложение модели к материалу граничит с произвольностью.

и включаться в цепочку событий в повествовании, и служить риторическим вопросом. Но как определить применительно к каждому конкретному высказыванию, «рассказывает» оно или «объективирует»?

Наконец, ряд авторов вообще отказывает ДЦС перфекту в каком-либо специальном значении по сравнению с аористом⁸. Существует, например, гипотеза, что употребление перфекта было вызвано неудовлетворительностью форм аориста, не различавшего 2 и 3 л. ед.; тот факт, что необычно высокий процент (до 85% в некоторых текстах) случаев употребления перфекта относится к 2 л. ед.⁹, истолковывается в этом случае как стремление избежать омонимии с 3 л.¹⁰ Этому, однако, противоречат случаи, когда омонимия 2 и 3 л. у аориста не служит препятствием к употреблению этих форм в тесном соседстве. Противопоставляя нерадивого хозяина услужившей ему женщине, Иисус говорит: **оубѣмъ главѣ моеѣ [ты] не помаза • си же [она] мумъ помаза нозѣ мои** [Л.: 7, 46]. Неудовлетворительным следует признать и предположение о чисто стилистической природе перфекта как явления устной речи, в отличие от аориста, принадлежащего письменному повествованию [Карский 1929: 26; Dostál 1954: 609]. Перфект, действительно, почти исключительно употребляется в прямой речи, в частности, в евангельском повествовании [Бунина 1959: 76]; к значению этого факта мы вернемся впоследствии. Но тональность высказываний с перфектом в ДЦС, проникнутая мистическим и ораторским пафосом, весьма далека от сферы разговорной коммуникации; этим ДЦС радикально отличается от древнерусского языка.

Можно понять настойчивое стремление проникнуть в скрытую логику ситуаций, когда аорист — основная форма прошедшего времени, на которую приходится подавляющее большинство употреблений, — замещается перфектом, невзирая на видимую алогичность таких замещений, в силу которой они имеют место в одних и не имеют в других, как будто бы вполне аналогичных случаях. Как настоятельно утверждает Ван Схуневельд, исследование которого, хотя и посвящено древнерусскому языку, имеет много общего с предметом настоящей статьи, тезис об отсутствии у перфекта какого-либо регулярного смыслового различия с аористом «не может быть верным, если исходить из того, что обе формы были живыми во времена Повести временных лет. Если обе формы употреблялись, должна была существовать какая-то оппозиция между ними» [Vanchooneveld 1959: 86].

⁸ Деянова [Деянова 1970: 18—21] говорит о «нейтрализации» перфекта и аориста в некоторых случаях. На полный параллелизм двух форм в ряде контекстов, подкрепляемый их употреблением в одном ряду, указывается также в [Dostál 1954: 606]; особенно полно семантическая нейтрализация перфекта и аориста выступает в случаях, когда перфект употреблен без связки [Dostál 1963: 120].

⁹ На необычно высокий процент форм 2 лица ед. у ДЦС перфекта указывали многие авторы: [Грамматика 1991: 447; Вайан 1952: 381] и др.

¹⁰ См. [Słowski 1926; Vaillant 1977: 163]; с оговорками эту мысль высказывает также Вечерка [Večerka 1993].

Поиск универсального ключа, которым открывалось бы полное и всеобщее понимание данной языковой формы (*Gesamtbedeutung*), всегда служил мощным интеллектуальным стимулом, в особенности со времен откровений, явленных в работах Якобсона 1930—50-х годов [Jakobson 1936]; он фокусировал мысль, способствуя отысканию диагностических примеров и тонкому их истолкованию. Ценность такого рода находок, которыми богаты работы Потевни, Мейе, Истриной, Якобсона, Маслова, Буниной, Ван Схуневедьда, Вечерки, посвященные перфекту, остается непреходящей независимо от того, насколько успешно работают предлагаемые ими объяснительные модели. Но что касается этих последних, я не могу не испытывать ощущения, что они строятся на фундаменте методологической иллюзии. Парадоксальным образом проблема становится особенно острой в условиях ДЦС, в силу того, что число наличных примеров здесь ограничено и доступно обозрению всякого, кто не поленится проработать несколько тысяч страниц текста. Попытки проникнуть в самую суть Оппозиции, единой и окончательной, к которой, как к уходящей за облака вершине некоей пирамиды, устремлены все ситуации, когда перфект заступает место аориста, наталкиваются на смущающее разнообразие таких ситуаций — особенно смущающее в условиях конечного и в общем жанрово однородного корпуса наличных фактов. Легко заметить сходство между отдельными случаями; но когда пытаешься свести эти подобия к единому общему знаменателю, обнаруживаешь, что то, что объединяет одну группу примеров, исчезает в другой группе, единство которой основывается на каком-то ином признаке или комплексе признаков. Несомненно, такая ситуация знакома всякому, кто занимался толкованием слов; но почему-то этот опыт, едва ли не более древний, чем сама наука о языке, часто игнорируется при моделировании грамматической структуры¹¹. Быть может, описание наличных фактов языка выиграет в объяснительной силе (даже если проиграет в «элегантности»), если оно с самого начала будет стремиться распознать в объекте не единую идеальную логику, но множество логик, частично совпадающих и частично противоречащих одна другой?

Я не уверен также в плодотворности описания грамматической формы в абстрактно-логических категориях, не имеющих никакого отношения к смысловым, жанровым, апеллятивным задачам, актуальным для тех, кто эту форму употребляет или употреблял. Языковой текст, в отличие от «текста» бактерий в питательном растворе или частиц в ускорителе, не является немым; он предлагает нам некое сообщение, а не просто позирует в качестве предмета наблюдения. Интерпретация сообщения становится в этом случае актом взаимодействия с объектом, а не просто его интеллектуальной обработкой. Применительно к нашему конкретному

¹¹ Замечу, что подход, исходящий из принципиально разнородного характера всякого знакового феномена, сделался методологической аксиомой в работах последних 20—30 лет по философии языка, семиотике и литературной теории.

предмету позволительно предположить, что такие категории, как обращение к Богу, отношение между человеческим бытием и миром трансцендентного, подчиненность жизни течению времени и вневременной характер мистического опыта, могут служить полезными нитями, ведущими к пониманию того, что силились выразить переводчики-редакторы-переписчики ДЦС текстов, опираясь, среди прочих имевшихся в их распоряжении средств, на выбор той или иной грамматической формы.

1. Акт исповедания веры: перфект 2 лица.

Подавляющее большинство употреблений перфекта 2 л. ед. приходится на выражения, являющие собой акт обращения к Богу. Типичными жанрами для такого рода выражений являются псалм, молитва, а также ситуации молитвенного обращения к Богу в текстах повествовательного характера. За редчайшими исключениями см. (2.4), во всех подобных случаях предикат принимает форму перфекта:

(1.1) въ скрѣви пространилъ мѣ еси ... ꙗкъ ты ꙗко единого на оупованье вселилъ мѣ еси (Пс. 4)¹²

ꙗко нѣси оставилъ всискажщихъ тебе ꙗко (Пс. 9)

и пришествие животворящаго твоего дѣха въ образъ огньномъ ѡзъкомъ на стѣла твоѡ аплы излилъ еси (Син. Тр.: 118)

из оустъ младенечъ съсжихъ съвршилъ еси хвалж (Пс. 8)

Подобные обороты, часто в виде варианта одной и той же словесной формулы, встречаются едва ли не в каждом псалме. Что касается повествовательных жанров — проповеди, жития. Евангелий, — то в них обороты с перфектом 2 л. ед. обычно фигурируют как цитаты или перифразы псалма/молитвы. В частности, такой устойчивой, часто перифразируемой формулой является последний из примеров (1.1):

(1.2) из оустъ младеништъ и съсжитиихъ съвршилъ еси пѣснь (Супр.: л. 325)

исповѣдаж ти сѡ оче ꙗко нвоу земли ꙗко ѡтанлъ еси се от премждръ и разоумьнъ и отъкрылъ еси младеньцемъ (Л.: 10, 21)

С другой стороны, в тех местах псалма, где Бог упоминается в 3 лице, решительно преобладает аорист:

(1.3) оуслыша гъ молитвж моѡж (Пс. 6)

¹² Все отсылки к псалмам даются по [Син. Пс.]; цифра в скобках в этом случае обозначает номер псалма.

Характерен пространный пассаж в Пс. 77: после упоминания о народе, забывшем о деяниях Бога (не помѣншша ржкты его), следует перечисление последних в виде параллельных придаточных предложений, отнесенных к местоимению его; во всех без исключения предложениях этой длинной цепочки употреблен аорист 3 л. ед.:

(1.4) не помѣншшѣ ржкты его днь въ нѣже избави ѣ издржкты сътжжѣшѣтаго • ѣкоже положи въ егѣптѣ знамѣнѣ ... и прѣврати въ кровъ рѣкты ихъ ... посла на нѣ песьѣ моухъ и поѣсѣ ѣ и жавты и погоуби ѣ • и дастъ ересеви плодъ ихъ...

С другой стороны, аналогичные акты наказания Богом «нечестивых», если о них повествуется в обращении к Богу, т. е. во 2 л. передаются перфектом:

(1.5) ѣко створилъ еси сждъ мои ... запрѣтилъ еси ѣзыкомъ ... и градъ разрушилъ еси (Пс. 9)

Само собой разумеется, что когда субъект говорит о себе в прошедшем времени, он употребляет только аорист 1 л.; но и речь Бога в 1 л. также передается аористом; иными словами, перфект 1 л. ед. в дискурсе этого типа вообще не употребляется:

(1.6) гѣ рече къ мнѣ снѣ мои еси ты • азъ днесъ родихъ тѣ (Пс. 2)

Что касается оборотов 2 л., то употребление перфекта в них можно определить как необходимое, но не исключительное. В том случае, если оборот состоит из цепочки параллельных фраз, то в некоторых из них перфект может перемежаться с аористом:

(1.7) елико авилъ еси [п] мнѣ скрѣби мѣногы зѣлы и обрати живилъ мѣ еси [п] и отъ безднѣ земли древле възведе [а] мѣ • оумножилъ еси [п] на мнѣ величество твое и обрати оутѣшилъ [п] мѣ и отъ безденѣ земля пакты възведе [а] мѣ (Пс. 70)

ты еси богъ творди чюдеса • сжштѣа бо на ны по насъ сътвори [а] и лишение четърь десѣтъ напльнилъ кси [п] (Супр.: л. 79)

Во всех подобных ситуациях перфект присутствует обязательно, тогда как аорист может появиться только вместе с перфектом в качестве сопровождающей формы.

Частота и почти полная непреложность употребления перфекта 2 л. ед. в сходных ситуациях, в однородном типе дискурса, создает мощную аналогическую инерцию, в силу которой мотивация употребления данной формы в данном конкретном контексте выступает с полной отчетливостью. Мотивация эта, по-видимому, не имеет прямого отношения к «перфектности» в каком бы то ни было абстрактном ее понимании, поскольку перфект употребляется в этом типе

дискурса исключительно в обращениях к Богу и почти исключительно в форме 2 л. ед. и не употребляется даже в совершенно аналогичных ситуациях с 3 или 1 л. ед. (не говоря уже о мн. числе).

Здесь уместно задаться вопросом: почему вообще ДЦС перфект так плохо коррелирует с греческим, при том что вообще ДЦС текст чрезвычайно близко следует греческому во всем, где это позволяет структура языка? Но в том-то и дело, что ДЦС перфект не соответствует греческому (а также латинскому) структурно: это составная форма, само строение которой ставит ее в особое положение по отношению к основным временным парадигмам — презенсу, аористу и имперфекту. Можно предположить, что эта необычность формы, и в особенности заключенное в ней имплицитное напряжение между причастием прошедшего и связкой настоящего времени, способствовали ее осмыслению скорее в символично-риторических, чем собственно временных параметрах.

Ключевым фактором такого символического осмысления послужила, как мне кажется, связка настоящего времени **кси**¹³. В контексте псалма/молитвы появление словоформы **кси** — с причастием либо без него — прочно, можно даже сказать непреложно ассоциируется с ситуацией обращения к Богу. Самым характерным и памятным примером такой ситуации служат первые слова молитвы, которую Иисус передает ученикам: **бче нашъ иже еси на небсхъ** (Мф.: 6, 9; Л.: 11, 2). Аналогичные обороты появляются и во многих псалмах: **ты же гї застѣпникъ мой еси** (Пс. 3)¹⁴, — и в других текстах, в которых возникает ситуация молитвенного исповедания веры; ср. возглас **ты еси богъ твор<и чоудеса, которым Кирион возвещает о своем обращении в веру (1.7).**

Модальное и апеллятивное поле молитвенного контакта с Богом полностью распространяется на случаи, когда связка ~си появляется в составе перфектной формы. В этом случае событие, обозначенное причастием, принимает характер абсолютной мистической истины, внеположной временной категоризации. **възлюбихъ законъ твои** — это факт жизни субъекта; но **оумждрилъ мѣ еси** — это не утверждение, что так «было» в действительности, но акт безусловного исповедания веры.

Другим оттенком значения, связанным с исключительной прикрепленностью выражений к ситуациям молитвенного обращения к Богу, является интимность молитвенного контакта.

¹³ Примеры опущения связки в перфекте 2 л. настолько редки, что их , можно отнести на счет случайных обстоятельств; например, в (1.5) один из перфектных предикатов выступает без связки (**оутѣшилъ мѣ**), но при других однородных ему предикатах связка имеется.

¹⁴ С исторической точки зрения, разумеется. Псалтирь предшествует Евангелиям; это, однако, не имеет значения для порядка аналогий, формировавшихся в корпусе ДЦС текстов в процессе их создания коллективными усилиями переводчиков-редакторов -переписчиков.

Этот интимный, личностный момент исповедания веры подчеркивает Иисус, когда он наставляет учеников, как они должны обращаться к Богу с молитвой «Отче наш»:

И когда молишься, не будь как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. ... Ты же, когда молишься, войди в комнату свою, и затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно (Мф.: 6, 5—6)

Абсолютное является молящемуся «втайне»; «явная» манифестация того, что утверждается в акте исповедания веры, не только не требуется, но противоречила бы настроению молитвенного приобщения к вере. В контексте интимного «тайного» контакта с Богом, предполагаемого жанром молитвы, даже деяние Бога передается аористом, если оно описывается в 3 л., то есть в объективированном модусе, несмотря даже на то, что это может быть то же деяние, которое в непосредственном обращении к Богу обозначалось перфектом: **УСЛЫШАЛЪ ЕСИ МОЛИТВЪЖ МОЖ** — не выражает эмпирического содержания, а лишь веру; но **УСЛЫША ГДЪ МОЛИТВЪЖ МОЖ** — означает, что молящийся получил некий знак, что его молитва услышана, и он знает это как «факт».

Подчеркну еще раз: все сказанное относится не к языку вообще, а к определенному, четко очерченному типу дискурса: псалму, молитве и их вкраплениям в повествовательный текст. За пределами этого дискурса описанное здесь сохраняет лишь частичную значимость; возникают иные смысловые задачи, иные аналогические притяжения, уводящие перфектную форму в иные сферы употребления.

2. Утверждение трансцендентного: перфект 3 л. в повествовании.

Другим важнейшим ситуативным концентром, в котором перфект употребляется регулярно и семантически вполне последовательно, является повествование о событиях и ситуациях, имеющих мистическую природу, запредельную эмпирическому миру. Основными жанрами для этого типа дискурса являются Евангелия, послания, проповеди, жития; почти исключительно преобладающей формой перфекта в этом употреблении является 3 л. ед.

Ядерное значение, вносимое в эту ситуацию формой перфекта, можно определить как значение трансценденции. Речь идет не просто о Боге, но о такой относящейся к Богу пропозиции, которая принадлежит «небесному», а не «земному», то есть выходит из границ эмпирического опыта.

(2.1) того ради слово ны естъ богъ далъ (Супр.: л. 379]

и слышаша [а] окръсть живштен и рождение емъ ѿко възвеличилъ естъ [п] ГДЪ
милость своѣ съ неѣж (Л.: 1, 58)

То, что люди «услышали» весть о Рождестве, принадлежит миру Dasein; но избрание Богородицы для божественной миссии есть событие, относящееся к порядку Jenseits. Это различие находит выражение в употреблении аориста и перфекта. Замечательный пример различения мира феноменов и мира трансцендентных сущностей путем соотнесения аориста и перфекта являет Житие Иоанна молчальника. Гонители посылают солдат, чтобы его убить. Внезапно святому предстает свирепый лев, страх перед которым заставил его затвориться в келье, так что убийцы его не нашли. Духовный наставник Иоанна объясняет затем смысл происшедшего:

(2.2) **се съхранилъ тѣ кѣтъ [п] богъ отъ ратъничъска прихъждениа и извѣсти [а] ти видомъ ти стражъ посълавъ** (Супр.: л. 293)

Очевидно частичное сходство между этим смысловым концентром и тем, который был связан с употреблением формы 2 л. ед. в псалме. В обоих случаях перфектная форма выступает как знак мистического, того, что относится к Богу. Но имеется и различие, связанное со спецификой повествовательного дискурса по сравнению с псалмом/молитвой. В повествовании теряется интимность приобщения к мистическому, характерная для перфекта исповедального. В исповедальном дискурсе решающим фактором, определяющим выбор перфекта, служит личное переживание мистического, утверждаемое обращением к Богу во 2 л. Но в повествовательном дискурсе решающим фактором служит трансцендентный характер самого описываемого феномена, безотносительно к позиции повествователя. Перфект 2 л. символизирует интимно «тайное» приобщение субъекта к мистическому; перфект 3 л. ед. повествует о «невидимом», то есть внеположном эмпирическому. Сам факт вмешательства Бога, спасшего жизнь святому, последний не мог «видеть», тогда как посланный ему фантом льва он видел — отсюда различие между перфектом в первом случае и аористом во втором. Если бы после чудесного спасения святой обратился к Богу с молитвой, он несомненно упомянул бы видение льва в перфекте 2 л.: **извѣстилъ ма еси видомъ ми стражъ пославъ**. Для перфекта 2 л. важен не характер феномена как такового, но позиция безусловной веры субъекта, с которой он обращается к Богу. Этот оттенок различия наглядно выступает в следующей паре примеров:

(2.3) **далъ еси [2 л.] веселие въ срци моемъ** (Син. Тр.: л. 73а)

(2.4) **а ти отиди въ горы поустыи • въ дрѣво еже не творитъ сѣмени • тамо бысть есть далъ [3 л.] гъ денънжъ пицъ** (Син. Тр.: л. 596; молитва об уничтожении вредителей)

В первом случае субъект непосредственно переживает «веселие», данное ему Богом. Во втором; попытка убедить насекомых-вредителей покинуть поля и виноградники осуществляется путем отсылки к авторитету божественного миропорядка, в силу которого Бог «дал» им пищу в пустынных горах. Этот порядок имеет абстрактный, трансцендентный характер:

насекомым указывается их «истинное» место, а не обещается, что они действительно найдут там себе пропитание; в последнем случае уместно было бы: **да[стѣ] въ пищѣ**. Такого рода отсылки к трансцендентному порядку — даже если он противоречит видимому положению дел, — типичны для мистического повествования, но редки в жанре молитвы; именно поэтому перфект 3 л. является здесь редким и характерным исключением. Значение перфекта 3 л. как грамматического средства выражения трансцендентного в полной мере проявляется в том, как в Евангелиях и других повествовательных текстах рассказывается о миссии Христа: его пребывании на земле, с одной стороны, и пребывании в вечности, после Вознесения, с другой. Удивительна последовательность, с которой эти контрастные метафизические планы получают выражение в формах аориста и перфекта, соответственно. Вернемся к сцене молитвы Иисуса, упоминавшейся во вводной части настоящей статьи [И.: 17]. Приведу лишь небольшой фрагмент пространного текста, в котором формы аориста и перфекта, выступающие в качестве знаков происходящего на земле и на небе, сопологаются десятки раз:

(2.5) **а азъ прославихъ [а] тѣ на земли • дѣло съвършихъ [а] еже далъ еси [п] мнѣ ... и глы аже далъ еси [п] дахъ имъ [а] • и ти приша [а] и разоумѣша [а] въ истинѣ ... како ты ма посла [а] и възлюбилъ а еси [п] какоже и ма възлюбилъ еси [п] оче ... да видатъ славъ мой еже далъ еси [п] мнѣ како възлюблъ еси [п] ма прѣжде съложения мира ... азъ же тѣ познахъ [а] и си познаша [а]**

В этом эпизоде тесно сопологаются оба круга символических ценностей, связанных с употреблением перфектной формы: мистическое исповедание и мистическая трансценденция. Позиция молитвенного обращения к Богу подчеркивает принадлежность Иисуса в этот момент к поюстороннему миру. Перфект репрезентирует все запредельное этому миру, тогда как аорист относится к феноменам, связанным с земной миссией Христа. Говоря **и глы аже далъ еси дахъ имъ**, Иисус изображает передачу им божественного Слова апостолам как совершившийся факт, исполненную миссию; но то, что он ощущает себя наделенным Словом, внеположно тому, что можно считать фактом или событием: это акт веры¹⁵. Различие

¹⁵ В [Сав. кн.] этот эпизод повторен дважды, в различных местах рукописи; это единственный пример такого повторения. Первый, более краткий вариант расположен близко к началу сохранившейся части рукописи (л. 25—26); второй (л. 107—108) находится на своем обычном месте в календарном цикле Евангельских чтений, после И. 16 (так же в [Ассем.]). В первом перфектная форма **далъ еси** повсеместно заменена аористом **дастѣ**; контраст таким образом исчезает: **како глы еже дастѣ ми дахъ имъ**. Во втором варианте контраст перфекта 2 л. и аориста 1 л. проведен с полной регулярностью; так же и во всех других версиях Евангелия ([Ассем.], [Зогр.], [Мар.]). Таким образом, начальный эпизод Саввиной книги можно признать аномалией; не в этом ли причина его повторения в более стандартной версии?

этих двух планов получает эксплицитное выражение во фразах: **прославихъ тѣ на земни** vs. **възлюблю еси ма прѣжде съложенна мира**. Особенно интересным в этой связи представляется выбор между аористом и перфектом, когда речь идет об Отце: в то время как выражения **далъ еси**, **възлюбилъ еси**, **възлюблю еси** даны в перфекте, глагол **посъла** последовательно употреблен в аористе. Различие заключается в «феноменальном» характере последнего, по сравнению с трансцендентным характером первых: Иисус говорит, что Бог его «послал», в том смысле, что он все еще находится здесь, в этом мире; но то, что Бог его «возлюбил» и «дал» ему Слово, этому миру внеположно. Можно вспомнить в этой связи богословский спор, ставший одним из главных пунктов расхождения между Восточной и Западной церковью, о том, следует ли признать Святой Дух исходящим от Отца, как говорится в первоначальном тексте Символа веры, или от Отца и Сына. Последняя поправка (вставка *filioque* в латинский текст *Credo*), предложенная Св. Августином, сделалась в конце концов канонической в католической церкви, но не была принята церковью православной. Основанием для поправки служили слова самого Христа к ученикам о том, что Святой Дух будет послан в мир по его настоянию (И: 14:26). Греческие богословы возражали на это, что в латинском термине *procedit* теряется различие между феноменальным («экономическим») актом посылания (*ἐκπορεύειν*) и мистической «передачей» (*μεταδίδοιαι*), исходящей только от Отца [Pelikan 1974: 183—198]. Этот сложный интеллектуальный спор отражается в нашем тексте, как в капле воды, в факте выбора формы аориста для глагола **посла**, проводящем различие между феноменальным характером этой пропозиции и мистической природой ситуации **возлюбилъ еси**. Однако после того как Иисус покидает землю, рассказ о его миссии помещается в одном плане с деяниями Отца. Особенно наглядно этот сдвиг проявляется в ситуациях, где отсылки к земному и трансцендентному бытию Христа непосредственно соположены. Типичным контекстом для такого соположения является предпасхальная проповедь, предметом которой служит смерть на кресте и погребение, то есть окончание земного бытия Христа. Ср. в той же проповеди Иоанна Златоуста:

(2.6) **толикомъ благомъ достоино сътворилъ кси [п] и до послѣднаго вечера трыпѣаше и оучаше и казаше [имп]** (Клоц: 56)

Читатель наглядно ощущает черту между земным и трансцендентным, только что перейденную Христом. Последние его действия на земле («до последнего вечера») еще принадлежат сфере простого прошедшего времени — в данном случае имперфекта, употребленного в итеративном значении. Но принесенное им «благо» теперь, после его смерти, выносится за пределы его земного бытия; знаком этого трансцендентного скачка и служит

перфект. Еще более драматичное сопоставление земного и трансцендентного плана находим в проповеди Епифания Кипрского о погребении, в которой Христос сам говорит о своей миссии:

(2.7) о҃снѣхъ [а] на крѣстѣ и копѣемъ проведенъ въхъ [а] въ ребра тебе ради о҃снѣвшаго въ раи и ео҃гж отъ ребра изведъша • моѣ ребро ицѣлило кѣтъ [п] болѣзнь твоѣго ребра ... моѣ копик о҃ставио кѣтъ [п] обраштажштее сѣ на тѣ копѣк (Супр.: л. 101)

«Уснул» на кресте, «был поражен» копьем в ребро — это последние события земного существования; форма аориста как бы отбрасывает их в прошедшее. Но то, что пораженное ребро Христа «исцелило» Адама и его ребро (Еву), и поразившее его копье отвело копье, некогда изгнавшее их из рая, получает вневременную трансцендентную ценность благодаря перфекту.

Как известно, одним из центральных богословских вопросов первых веков христианства было истолкование двойственной ипостаси Христа как Бога и как воплотившегося человека. Концептуальная трудность задачи соединения этих взаимно противоречащих состояний породила громадную философскую и богословскую литературу и мощные еретические движения. Наиболее важными среди последних была, с одной стороны, арианская ересь, согласно которой вочеловечение Христа делает его божеством низшего порядка по отношению к Богу Отцу, и с другой, монофизитство, признававшее человеческое бытие Христа, страдания на кресте и смерть иллюзией, ибо как Сын Божий он не мог быть действительно подчинен условиям земного бытия [Pelikan 1971: Ch. 3 («The Mystery of the Trinity») и 4 («The Person of the God-Man»); Болотов 1994: гл. 2: «Споры христологические («христологическая» стадия споров о Богочеловеке)]. Итогом колоссальных интеллектуальных и политических усилий, находившихся в самом эпицентре истории мирового христианства на протяжении нескольких столетий, стал Символ веры — частично разработанный на I (Никейском) Вселенском соборе (325), принятый на II (Никео-Константинопольском) соборе (381) и получивший окончательное утверждение на IV (Халкидонском) соборе (451), — в котором равновесие между божественной и человеческой природой Христа и нераздельность Троицы получили тщательно выверенные определения [Карташев 1994].

Ко времени создания ДЦС Вселенские соборы были уже довольно отдаленным прошлым, христологические споры получили каноническое разрешение, провозглашение догмата Символа веры стало неотъемлемой частью каждой литургии. Церковнославянская христианская культура получила громадное духовное наследие пяти веков Вселенских соборов в готовом, отчетливо сформулированном виде. Кардинальные вопросы, относящиеся к проблемам единства Троицы и природы Богочеловека, перестали быть предметом актуальных интеллектуальных усилий и споров.

Это не значит, что данные вопросы не вызывали активного духовного интереса в мире ДЦС духовной культуры и принимались без рассуждения, как формула. Однако активное отношение к наследию христианской мысли находило свое выражение не столько в богословских рассуждениях и комментариях, сколько в том, что составляло живую, становящуюся, активно разрабатываемую сферу славянской христианской духовности: в самом языке, на котором и через который его субъектами усваивались ценности мировой истории христианства¹⁶. Разработка языка, отбор и концептуализация его форм и риторических ходов стали тем полем, на котором проявляла себя философская, богословская, этическая мысль его носителей. Воспринимая различие между феноменами, нашедшими обозначение в перфекте и аористе, субъект ДЦС приобщался к метафизическому различению трансцендентного и феноменального, невидимого и видимого, временного и вневременного. Усваивая повествование о Христе в этой двойной перспективе, он претворял догму о двойной ипостаси из готовой формулы в предмет живой мысли и живого языкового употребления. То же, конечно, могло бы быть сказано о многих других компонентах строя ДЦС — назову как вполне очевидные и, однако, все еще не осмысленные в этой перспективе такие категории, как употребление именной и местоименной формы прилагательного, возможность использования в качестве прямого объекта местоимения и (вин.) либо его (род.), различные фигуры порядка слов.

Ярким примером «имплицитного богословия», заложенного в употреблении языковых форм, может служить парадоксальная, но в сущности вполне логичная ситуация, когда перфект употреблен в сфере феноменальных (не трансцендентных) событий, относящихся к Богу, — в устах врагов, гонителей, неверующих. Обращаясь к Христу на кресте, толпа насмешливо предлагает ему спасти самого себя, если он «спас» всех других:

**(2.8) ѿ гл҃ѣтѣ ... нн҃ы ест҃ъ спс҃ль да спет҃ъ и сѧ аще съ ест҃ъ сн҃ъ бж҃ии
избран҃ы (Л.: 23, 35)**

Толпа ожидает от Христа феноменального, физического свидетельства его божественной природы; он должен избавить себя от креста, подобно тому как других избавлял от болезней. В этом насмешливом перфекте, как бы пародирующем трансцендентный смысл выражения # есть спсль, лучше всяческих комментариев выражено непонимание толпой особой, двойственной природы Христа. В позиции толпы заключено зерно монофизитской ереси, отказывающейся признать реальность человеческого воплощения Бога; по логике монофизитской ереси, земное бытие Христа должно было бы последовательно передаваться в перфекте, поскольку оно лишь по видимости принадлежит человеческому миру. Отказываясь следовать этой логике, ставя Христа в его земном обращении к Отцу в положение молящегося,

¹⁶ См. о роли ДЦС как формирующего духовного начала в мире православного славянства (SlaviaOrthodoxia): [Picchio 1984].

находящегося по сю сторону трансцендентного, ДЦС текст утверждает самим своим строем то усилие мысли, которое нашло свое выражение в Символе веры. Идея Богочеловека становится для читателя такой же живой, непосредственно воспринятой и усвоенной идеей, каким является всякое языковое сообщение для субъекта, владеющего данным языком.

3. Аналогические растяжения значения перфекта 3 л.:

выход из рамок эмпирической действительности.

Символику трансцендентного можно признать смысловым ядром перфектной формы. Основанием для такого вывода служит прежде всего тот простой факт, что описанные выше ситуации составляют явное большинство всех случаев употребления перфекта в ДЦС текстах. (Следует еще раз подчеркнуть, что формы перфекта вообще появляются довольно редко, в виде изолированных вкраплений в дискурс, основные контуры которого определяются, для плана прошедшего, аористом и имперфектом). Во-вторых, пропозиции, в которых перфект служит символом трансцендентного, обнаруживают отчетливое единообразие, каким обычно характеризуются продуктивные явления в языке.

Однако описанным символическим смыслом круг употреблений перфектной формы, конечно, не исчерпывается. Иначе и быть не может: ведь перфект представляет собой функционирующую языковую форму, а не окаменевшую формулу. Круг ее употреблений распространяется от твердо установившегося символического смысла к узнаваемым, но более или менее отдаленным его модификациям. Можно сказать, что ядерные смысловые ценности обнаруживают способность к различным аналогическим «растяжениям», которые, не порывая полностью с исходным смысловым полем, распространяют употребление перфекта в сферы, сами по себе к этому полю не принадлежащие и в некоторых случаях отстоящие от него на весьма большом расстоянии. Каждый факт такого смыслового переноса имеет ясную аналогическую мотивацию по отношению к ядерному смыслу; но характер и направление таких переносов для разных случаев может быть совершенно различным, так что друг с другом они не соотносятся сколько-нибудь ясным образом. Вырастающее в результате смысловое поле можно назвать «семейством», в смысле Витгенштейна. Оно образует непрерывное смысловое пространство, в том смысле, что всегда можно легко отыскать промежуточные нити, опосредованно связывающие одну смысловую вариацию с другой или другими. Но если взять любую пару таких вариаций в изоляции от семейства в целом, между ними может оказаться мало общего. Что касается «общего знаменателя» всей этой сетки аналогически соположенных употреблений, то если настаивать на том, чтобы его сформулировать, есть опасность, что в такой формуле не останется никакого или почти никакого содержания.

3-А. Аналогия ‘хозяин (господин) — Бог (господь)’. Одним из наиболее наглядных примеров аналогического растяжения служит евангельская притча о хозяине, наградившем одинаковой платой и тех, кто проработал у него весь день, и тех, кто присоединился лишь в последний час:

(3.1) приемъше же ропѣтаахъ на гнѣ глѣште • како съм послѣднѣмъ единъ
часть сътвориша и равнѣны намъ сътвориша ꙗко еси понесъшемъ таготъ
дне и варъ (Мт.: 20,11—12)

Действия работников, как и следовало ожидать, обозначены простым прошедшим (ропѣтаахъ); но к хозяину они обращаются в перфекте. Логика этого различия вполне очевидна в контексте притчи, облакающей мистический смысл в прозрачную оболочку бытовой истории, в которой «господин» являет собой явную аллегорию «Господа». С точки зрения повседневной логики, его поведение было бы и бессмысленным, и несправедливым; но в том-то и дело, что притча своим строем указывает на смысл, лежащий за пределами повседневной логики. Употребление перфекта подкрепляет аллегорическую игру смыслов ‘господин’/‘Господь’.

Такую же аллегорическую игру обнаруживаем в рассказе об Иосифе и жене Потифара в одной из проповедей Иоанна Златоуста.

(3.2) къ егѣпѣнѣни иосиф глагола • ꙗко господинъ мой ... все кстѣ даль
въ рѣцѣ мой ... аште ли мжъ ти • госпожде • вѣнѣ кстѣ то или богъ мой
ошгълъ кстѣ съ нимъ ... како азъ можъ ребро кго прокоудити кдинъ кднои
припдгълъ кстѣ богъ (Супр.: л. 366)

Все рассуждение Иосифа построено на многократном проведении аналогии ‘господин = Бог’. Иоанн Златоуст адаптирует историю из Ветхого завета к образам и идеям Нового Завета: отказ Иосифа повторить первородный грех (покуситься на «ребро», воспользовавшись отсутствием господина/Бога) служит символом искупления; вспомним, как в другой проповеди таким наглядным символом искупления оказывалось пронзенное ребро Христа: (2.7). Употребление перфекта в применении к Потифару оказывается конкретным риторическим инструментом, выявляющим аллюзионный характер рассказа.

3-В. Сверхъестественное / чудесное. События, относящиеся к земному существованию, могут передаваться перфектом с целью подчеркнуть их чудесную природу. Именно такой характер имеет знаменитое изречение Христа об оживленной им дочери сотника, часто цитируемое в качестве иллюстрации результативного значения перфекта:

(3.3) нѣстѣ оумрѣла дѣвица нѣ спитъ (Л.: 8, 52)

Как кажется, к результативности данный случай имеет в лучшем случае маргинальное отношение. Ведь когда в другом эпизоде Иисус объявляет ученикам о смерти Лазаря,

он использует тот же глагол, но в аористе; привожу этот эпизод в сокращенном пересказе Иоанна Златоуста (Проповедь на воскресение Лазаря):

(3.4) и рече оученикомъ • си лазарь другъ нашъ оусъпе [а] • они же мнѣште тако о сынѣ семъ весѣдоуѣтъ рекоша кмоу гѣи аште оуспе [а] исцѣлѣѣтъ • рече имъ гавѣ ис лазарь оумрѣ [а] (Супр.: л. 306)

Различный выбор временной формы, при полном эмпирическом сходстве двух ситуаций, передает метафизическое различие между ними. В первом случае Иисус делает свое утверждение вопреки очевидности, вызывая даже упреки родственников, уже оплакивающих умершую; перфект опровергает то, что очевидно для каждого с чисто эмпирической точки зрения. Во втором случае Иисус, напротив, принимает эмпирический факт смерти Лазаря, даже подчеркивает его; когда ученики не понимают употребленного им эвфемизма ('уснул'), он выражает свое сообщение более «явным» образом: 'умер'. Именно фактичность этого утверждения выражена аористом. Различие между двумя актами спасения от смерти имеет принципиальное значение: это различие между «оживлением» и «воскрешением». Первая ситуация еще находится в русле чудесных исцелений, описываемых в начальной части Евангельского повествования. Вторая имеет более глубокий мистический смысл; это уже не одно из чудес, совершаемых как часть земной миссии Христа, но предвосхищение смерти и последующего воскрешения из мертвых самого Христа. Чудесная подмена смерти сном обозначена перфектом, тогда как непреложное утверждение факта смерти, открывающее путь к таинству воскрешения, выражено аористом.

3-С. Экстраординарное / беспрецедентное. Следующий шаг аналогического растяжения происходит тогда, когда перфект употребляется с целью подчеркнуть экстраординарный, из ряда вон выходящий характер ситуации. Часто, хотя не обязательно, такое употребление перфекта находим в рамках отрицательной конструкции, несущей в себе сообщение о том, чего «никогда еще не бывало»:

(3.5) ѿ и гла има идета въ вьсь ѣже естъ прѣмо вама и авѣе въходашта въ нѣж обрѣштета жрѣбѣць привѣзанъ на немъ же нѣстъ *никтоже отъ чѣкъ вьсѣлѣ* (Мк.: 11, 2)

вждетъ во тогда скръвь велика така же нѣстъ была *отъ начала мироу доселѣ* (Мф.: 24, 21)

3-Д. Соположение двух контрастных планов существования. В притче о бедном и богатом, когда богатый, мучаясь в аду, видит нищего Лазаря на небе, он обращается к Аврааму с жалобой; Авраам ему отвечает:

(3.6) и рече аврамъ • чѣдо въспомѣни тако приналъ еси блага въ *животѣ своемъ* и лазарь такожде зѣлаа • нынѣ же съдѣ оутѣшаетъ сѣ а ты страждеши (Л: 16, 25)

На употребление ДЦС перфекта для обозначения «предпрошедшего» неоднократно указывалось в литературе как на одно из его значений или даже основное значение¹⁷. Суть здесь однако в том, что перфект отсылает к ситуации, имевшей место не просто в предпрошедшем по отношению к прошедшему времени основного повествования, но в метафизически ином состоянии: в «иной жизни». Этот оттенок метафизического сдвига в отношении к предпрошедшему имеет место и в других примерах, когда перфект имеет явное значение предпрошедшего. В проповеди на Страстную Пятницу Иоанн Златоуст говорит о том, что поскольку он не был непосредственным свидетелем Богоявления, он должен собирать «остатки» живых свидетельств:

(3.7) како иже нѣсмъ тоу бѣлъ бѣвъшихъ тоу остатѣкы възъмъ (Супр.: л. 428)

Перфект отмечает метафизическую границу между временем пребывания Богочеловека на земле и последующим историческим временем, а не просто отсылает к плану предпрошедшего.

С другой стороны, когда отсылка в прошлое принадлежит одному плану бытия с основной ситуацией повествования, перфект не употребляется. В этом случае временная стратификация часто остается вовсе не отмеченной: и предпрошедшее, и прошедшее событие обозначаются формой простого прошедшего времени. Иногда в таких случаях в тексте появляется «плюсквамперфект»: спорадически употребляемая составная форма, внешне родственная перфекту, но лишенная того специфического мистического смысла, который составляет ядро содержания последнего. Когда Иисус исцеляет слепого, те, кто «видели его раньше», свидетельствуют, что он был слеп, в плюсквамперфекте, но не в перфекте — ведь речь идет просто о том, что было «прежде», а не о «иной жизни»:

(3.8) сосѣди же и иже и бѣахъ видѣли [пп] *прежде* ѣко слѣпъ бѣ [а] глаахъ [ип] (И.: 9, 8)

Таким образом, временную стратификацию, осуществляемую с помощью перфекта, можно охарактеризовать как «трансцендентное предпрошедшее», в отличие от «эмпирического предпрошедшего», выражаемого плюсквамперфектом либо просто аористом.

Такой же оттенок смысла имеет перфект, обозначающий предшествование некоего будущего события; и в этом случае речь идет о «трансцендентном предбудущем». Пример последнего являет собой эпизод с женщиной в Вифании, возлившей на голову Иисуса благовонное масло. Иисус защищает ее от упреков учеников:

¹⁷ Ван Схуневельд [Van Schooneveld 1959: 87] ссылается в этой связи на статью Якобсона в *Annuaire de l'institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, VIII, 1948. К сожалению, саму статью Якобсона мне отыскать не удалось.

(3.9) добро бо дѣло съдѣла о мнѣ ... кже имѣ си сътвори • варила ксть похризмити тѣло моє на погребение (Мк.: 14, 8)

Экстравагантный поступок женщины получает объяснение и оправдание в силу того, что им она «предварила» предстоящую вскоре смерть Христа и обряд погребения. Ее действие не просто предшествует будущему событию, но мистически его предваряет; появление мистического подтекста отмечается переходом от аориста к перфекту.

С другой стороны, эмпирическое предбудущее, то есть последовательность двух будущих событий, относящихся к одному метафизическому плану, обозначается либо просто настоящим / будущим, либо еще одной спорадически употребляемой составной формой — сочетанием связки в будущем времени и причастия на -ль:

(3.10) аще ли съ вждеть недобрѣ покаалъ • то да не прижтъ вждеть въ свое отчѣство (Син.Гр.: л. 102а)

3-Е. Эмфатическое утверждение. Мы видели, что смысловым эпицентром перфекта является утверждение трансцендентных феноменов, обладающих абсолютной истинностной ценностью. Этот характер выражений с перфектом может переноситься на обозначение эмпирических ситуаций в том случае, когда говорящий стремится придать своему утверждению максимальную силу, выразить свою убежденность в его истинности с полной непреложностью.

Характерен пример в [И.: 16, 30]: Иисус объявляет ученикам, что до сих пор он изъяснялся с ними притчами, теперь же пришло время сказать прямо о том, что он есть Сын Божий и скоро возвратится к отцу; ответ учеников:

(3.11) да кто тѣ вѣпрашаетъ о семь • вѣроуемъ яко отъ бѣ ишълъ еси

Ситуация имеет «посюсторонний» характер: ученики обращаются к Иисусу как к своему учителю; мы помним, что в объективном повествовании миссия Иисуса в ее земных рамках обычно выражается аористом. Но эмоциональный порыв, с которым ученики высказывают свою убежденность в его божественной природе, ищет себе подкрепления в выражении, напоминающем исповедание веры, обычно обращаемом к Богу, «сущему на небесах».

Типичным случаем распространения исповедальной формулы 2 л. за пределы молитвенного обращения к Богу является осуждение предательства Иуды. К Иуде обращаются в перфекте, чтобы подчеркнуть непреложную силу лежащего на нем проклятия. Перед нами как бы формула исповедания с отрицательным знаком:

(3.12) се есть кровь моѣ ѡ иудо кже прѣдалъ еси (Клоц: 70)

Любопытный отголосок этой линии употребления перфекта находим полтысячелетия спустя в обличениях предательства Курбского в посланиях к нему Ивана Грозного:

(3.13) Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущая нелѣтнюю славу прѣзрѣлъ еси, и на челоуѣка възъяривъся, на бога восталъ еси¹⁸.

Еще более радикальный пример аналогического «растяжения» исповедальной формулы в сторону эмфатического утверждения находим в некоторых изречениях Иисуса в Евангелии. [Л.: 7] повествует о женщине, которая, когда Иисус пришел в дом фарисея, омыла ему ноги благовонным маслом. На замечание скандализованного хозяина о том, что не должно принимать ее услуги, ибо женщина эта блудница, Иисус отвечает вопросом: кто из должников сильнее возлюбит простившего ему долг, тот ли, кто задолжал меньше, или тот, кто должен очень много? Когда хозяин отвечает, что последний, Иисус заключает притчу словами:

(3.14) онъ же рече емоу • право сждилъ еси (Л.: 7,43)

Мы как будто слышим приподнятый тон, каким произносится фраза (3.14); простое прошедшее (**право сжди**) выглядит в этом контексте неуместным даже в чисто интонационном отношении.

З-Ф. Эмфатический / риторический вопрос. В повествовательных текстах встречается немало случаев, когда перфект появляется в составе вопросительного предложения. Высказывание такого рода всегда включает в себе сильную эмфазу: либо предельное удивление, либо, напротив, негодующее утверждение, облеченное в форму риторического вопроса.

В Житии Исаака, пафос которого направлен на обличение арианской ереси, одному из героев является видение Христа в сорочке, разорванной надвое. Следует обмен репликами:

(3.15) сѣтии петръ и рече • гѣи кто ти кстѣ раздѣралъ [п] котыгж • онъ же рече • арии раздѣра [а] ми на двок (Супр.: л. 187)

Перед нами не фактический вопрос, но выражение крайнего смятения и ужаса; эмфаза, подчеркивающая экстраординарность ситуации, осуществляется при помощи перфекта. Ответ Иисуса, напротив, спокоен и имеет фактический характер; употреблен тот же глагол применительно к той же ситуации, но изменился характер ее переживания. Мы как будто слышим разницу тона говорящих, находящую воплощение в выборе ими перфекта и аориста.

В одной из Евангельских притч рассказывается о человеке, который засеял поле хорошим семенем; но пока он спал, пришел дьявол и добавил в посев плевелы. Когда работники, посланные собирать урожай, увидели взошедшие плевелы, они спрашивают хозяина с недоумением:

(3.16) пришьдѣше раби гѣноу рѣша • гѣи не добро ли сѣма сѣлъ еси на селѣ твоємъ отъкждоу оубо иматъ плѣвелъ (Мф.: 13, 27)

¹⁸ [Переписка: 63]. Цитирую с устранением некоторых черт модернизации орфографии, принятой в этом издании.

В следующем примере аналогическое распространение перфекта в область повседневного существования, мотивируемое эмфазой, простирается еще дальше. В Житии Иакова рассказывается о том, как враги святого подослали к его келье женщину с целью погубить его репутацию. Когда Иаков, приотворив дверь кельи, видит незнакомку, он принимает ее за «видение». Вопрос, с которым он к ней обращается, имеет чисто «бытовой» смысл, но его удивление и смятение перед экстраординарной ситуацией находит выражение в перфекте:

(3.17) **и малы оувръзъ и видѣвъ ѿ мнѣаше мьчѣтоу бѣти ... и глагола ки • отъкждоу пришла кси сѣмо** (Супр: 515)

Вариацией эмфатического вопроса является вопрос риторический. Общим смысловым компонентом служит то, что смысл вопроса выходит из рамок повседневного обмена фактической информацией. Риторический вопрос задается не для того, чтобы получить информацию, но с целью эмфатического утверждения, чаще всего обличения. Типичной формулой риторического вопроса с перфектом является оборот, постоянно употребляемый Иисусом в его полемике с фарисеями и книжниками:

(3.18) **гла имъ ис нѣсте ли чѣли [п] въ кѣнигахъ • камене егоже не въ рѣдѣ створиша [а] • се бѣстѣ въ главѣ жглоу отъ ги бѣстѣ [а] (Мф.: 21, 42)**
нѣсте ли чѣли [п] тако из оустъ младеньчъ съвршилъ еси [п] хвалѣ (Мф.: 21, 16)

Характерно, что сам предмет вопроса часто представлен в аористе: эмфаза принадлежит формуле риторического вопроса как такового, а не тому конкретному поводу, по которому он задан. Но в последнем из примеров (3.18) и предмет вопроса выражен в перфекте — вполне логично, поскольку речь идет о стабильной формуле, восходящей к Псалтыри: ср. (1.1.). Еще в одном случае Иисус сначала формулирует предмет своего риторического вопроса без эмфазы (в аористе), но затем, как бы не удовлетворившись полученным эффектом, перифразирует его в перфекте:

(3.19) **онъ же отъвѣщавъ рече имъ нѣсте ли чѣли [п] тако створи [а] испрѣва мѣжа и женѣ створилъ та естѣ [п]** (Мф.: 19,4)

Интересно, что когда фарисеи в свою очередь пытаются изобличать Христа как лжепророка, используя для этого тот же прием риторического вопроса, в их устах вопрос оформляется аористом:

(3.20) **пришѣдѣше к нему глаголахъ ... не повѣда ли [а] прѣжде богъ пророкомъ тако славѣ своѣа иномоу не дамъ** [Супр.: л. 331]

Однако и в устах Иисуса обличающий риторический вопрос может иногда оформляться аористом. Когда родители спрашивают, почему он их оставил, он гневно отвечает:

(3.21) и рече къ нима • что тако искаста мене • не вѣста ли [а] тако еже есть отъ оца моего въ тѣхъ достонтъ ми быти (Л.: 2,49)

По всем признакам, можно было бы ожидать здесь перфекта, однако этого не происходит — употреблен аорист. Возможная причина такого отклонения — отсутствие навыка употребления перфекта в дв. числе. Как можно видеть из предыдущих примеров, даже 2 л. мн. употребляется редко, и только на основании явной аналогии с ситуацией, в которой фигурирует 2 л. ед. Конечно, чисто технически построить 2 л. дв. в перфекте **ѣста вѣдела* не составляло бы никакого труда: ведь и соответствующая форма связки, и форма Им. дв. муж. именного склонения для причастия сами по себе хорошо известны. Но в том-то и суть проблемы, что появление той или иной формы опирается не на абстрактные структурные возможности, а на текстуальную традицию употребления. Язык не делает скачков: для всякого нового факта необходима аналогия, отсылающая к памятным ситуациям, к утвердившимся языковым ходам. Это не значит, что введение дуала невозможно ни при каких обстоятельствах; но в данном случае отсутствие текстуальной традиции, очевидно, перевесило аналогию с обличающими вопросами, в которых фигурировал перфект 2 л. ед. и мн. Важно к тому же, что аналогия эта неполная: ведь в конце концов вопрос адресован не к непримиримо изобличаемым противникам; некоторое смягчение тона, возникающее в силу отсутствия перфекта, оказывается здесь уместным.

3-Г. Отсылка. Нам осталось рассмотреть последний случай аналогического распространения, суть которого состоит в употреблении перфектной формы в отсылочном значении. Появление перфекта может отмечать ситуацию, сведения о которой говорящего восходят к внешнему источнику либо подкрепляются ссылкой на некоторый внешний авторитет. Аналогическим моментом, мотивирующим появление здесь перфекта, служит нефактический, с точки зрения говорящего, характер пропозиции: то, что говорящий сообщает, не утверждается им прямо как факт, а дается через отсылку. Обычно референтное употребление перфекта имеет место в составе относительного придаточного предложения, вводимого такими союзами, как *ѣко* / "ко, что, и т. п.

(3.22) ѡ тѣмъ же рече • николи же мене слышасте пророкомъ гл҃гашта тогда разоумѣете тако ѡсмъ глаголаи пришъль [п] ... азъ бо отъ бога изидохъ и внидохъ [а] въ миръ (Супр: 2, 331)

ѡ ѣко рѣша врази мои мнѣ ... *глаголасте* бѣ оставилъ и есть [Пс. 70]

ѣда азъ жидовинъ есмь • *родъ твой архiereи* та прѣдаша [а] мнѣ что еси сътворилъ [п] [Супр: 1:18 ??]

В первом примере Иисус, обращаясь к неверующим в его божественное происхождение, вначале подкрепляет свое утверждение ссылкой на пророков: 'я тот, кто пришел, как о том говорилось'; затем он перифразирует то

же утверждение уже от собственного имени: эта смена позиции находит отражение в переходе к аористу. Во втором примере аналогичная ситуация выступает с обратным ценностным знаком: субъект псалма не жалуется на то, что Бог его оставил, но ссылается на врагов, которые об этом «говорят». Мы знаем, что для псалма перфект 3 л. не характерен; но в этом случае он как раз оказывается уместным, поскольку дистанцированное упоминание Бога усиливает эффект «чужого голоса». Наконец, в последнем случае говорящий употребляет перфект, с тем чтобы избежать выражения своего собственного отношения к ситуации: он как бы не знает, в чем суть дела, и лишь повторяет чужое суждение.

Референтные обороты можно, пожалуй, признать самым далеким аналогическим расширением исходного ядра употреблений перфекта. Уход от прямого фактического утверждения посредством отсылки к «другому» выступает как отдаленное эхо ядерного сверхэмпирического смысла. Аналогическая отдаленность этого случая проявляется и в том факте, что референтные обороты, как никакие другие, допускают свободу варьирования перфектных форм. Именно с этим значением находим случаи употребления перфекта в формах 1 л. ед. (**есть пришелъ**) или 3 л. мн. (**сжтъ сътворили**), в целом представляющих собой редчайшие исключения в ДЦС текстах.

Тем не менее нет основания считать референтные обороты случайностью или аномалией. Любопытно их смысловое сродство с категорией, получившей широкое развитие в последующей истории болгарского языка: так называемым наклонением «пересказывания» («преисказване»), смысл которого состоит в представлении говорящим сообщаемой информации как исходящей из внешнего источника: *чел си* ‘ты читал (как говорят, как стало известно)’. По крайней мере теоретически болгарский язык предполагает параллельные формы пересказывания для всех времен; все эти формы образованы на основе различных вариаций причастия на -л и вспомогательного глагола, то есть построены в принципе из того же материала, что и ДЦС перфект. Возможность того, что эмбрионом этой категории послужило одно из употреблений ДЦС перфекта, является тем более интригующей, что развитие форм пересказывания иногда относят на счет влияния турецкого языка. Мы видели, что и в отношении своего значения, и с точки зрения типичного круга контекстов ДЦС перфект обнаруживает мало общего с бытовой речью (в отличие от секулярного древнерусского языка, где такая связь ясно ощущается). Быть может, референтное употребление перфекта является той единственной точкой пересечения, в которой риторические стратегии ДЦС текстов в отношении перфекта встречаются с живой практикой древнеболгарского языка.

* * *

Мне кажется, что получившаяся картина позволяет сделать некоторые выводы, касающиеся природы грамматической категории вообще и возможной стратегии ее описания.

Во-первых, обращает на себя внимание явная формальная асимметричность в строении парадигмы. Подавляющее большинство наблюдаемых фактов употребления перфекта в ДЦС текстах связано с двумя формами, из теоретически возможных девяти: 2 и 3 л. ед. Примеры 2 л. мн. редки, и по сути встречаются только в одной ситуации: полемически заостренного вопроса. Примеры 1 л. ед. и 3 л. мн. крайне редки — может быть, 3—4 случая во всем корпусе (подчеркиваю, что речь идет исключительно о ДЦС текстах, а никак не о древнерусских или русско-церковнославянских). Что касается 1 л. мн. и всех форм дв. числа, то они мне вовсе не встретились; даже если я что-нибудь пропустил, крайняя их нехарактерность очевидна. Но и употребление двух центральных форм, представленных сотнями примеров, несимметрично: подавляющее большинство случаев 2 л. ед. приходится на Псалтырь и молитвенник, а 3 л. ед. — на Евангелия и другие тексты повествовательного характера (жития, проповеди).

Я полагаю, что такая асимметрия отнюдь не является исключительной, а напротив, составляет самую сущность любой грамматической категории. Идеальная геометрия парадигматических таблиц на странице учебника или лингвистического трактата маскирует тот факт, что собственно в языковом употреблении, в текстах, каждая из этих форм имеет свою собственную идиосинкретичную судьбу, связанную с определенными типами дискурса и характерными ситуациями. Ограниченность наблюдаемого материала в ДЦС лишь позволяет выявить этот принцип с полной очевидностью.

Во-вторых; поле употребления грамматической категории не очерчивается неким компактным смысловым комплексом, а разворачивается в виде разнонаправленных аналогических переносов смысла от хорошо известного к частично на него похожему. Логику каждой такой аналогии, взятой в отдельности, легко понять и объяснить; но поле аналогий в целом лишено единой логики, потому что отдельные случаи переноса смыслов не соотнесены друг с другом, совершаются по разным поводам и в различных направлениях. Общий знаменатель, остающийся за скобками различных аналогических фигурации, через которые проходит перфект в различных ситуациях своего употребления, — это в лучшем случае некий эмфатический «жест», как бы поднимающий на пьедестал соответствующую точку текста, возвышающий ее, на том или ином основании, над чисто фактическим содержанием текста. Попытки сформулировать этот «жест» в виде какого-либо общего значения увязают в неразрешимых противоречиях между отдельными его репрезентациями.

Если пытаться отыскать визуальную аналогию открывающейся картине, то таковой может оказаться не геометрически правильная фигура — ветвящееся дерево, матрица, куб, — но скорее нечто вроде футуристического коллажа. Для меня лично наилучшей аналогией служит симфоническая партитура, в которой ядерные мотивы трансформируются, скрещиваются, перетекают один в другой в бесчисленных вариациях, покрывая текст густой сеткой частичных подобий.

В-третьих: калейдоскопическая подвижность «семейства» смыслов, вырастающих из употребления категории, не означает, что такое семейство лишено какой-либо иерархии. Можно заметить центральные, ядерные значения, от которых по всем направлениям расходятся волны аналогических распространений. Одним очевидным критерием для выявления ядерного значения является его четко выраженный характер, проявляющий себя во множестве буквально повторяющихся или явно однородных примеров. Другим, не менее важным критерием мне представляется то обстоятельство, что ядерное значение отражает ценности, имеющие первостепенное значение для субъектов данного языка, в их отношении к данному типу дискурса. В этих ценностных основаниях грамматических категорий строй языка сходится с культурной традицией и культурным опытом его носителей. Применительно к ДЦС перфекту, такой кардинальной метафизической ценностью, конденсировавшейся в его ядерное значение, оказалось противоположение эмпирического и мистического, посюстороннего и потустороннего, опыта и веры, событий, совершающихся на земле, и божественного мирового порядка.

Невозможно сказать с уверенностью, почему именно перфект послужил инструментом для выражения этого круга значений. Пространный характер составной формы, естественным образом выделяющий ее в течении текста, экстемпоральность, типичная для связки в настоящем времени, тесная текстуальная ассоциация формы ~си с ситуацией молитвенного общения с Богом, — все эти факторы могли сыграть свою роль. Во всяком случае то развитие, которое получило употребление перфекта в ДЦС текстах, по всей видимости имеет мало общего с тем, как эта форма могла употребляться в современной им бытовой разговорной речи. На это различие указывает неоднородность употреблений перфекта в древнерусском языке. Здесь можно встретить, с одной стороны, явные перифразы и подражание ДЦС, с другой, секулярные употребления, в которых перфект (в особенности форма 3 л. с опущенной связкой) фигурирует, напротив, в качестве знака неформального, земного, эмпирического. Но, конечно, обсуждение этой проблемы должно составить особый предмет исследования.

Литература

Ассем. — Kurz J., изд. *Evangeliarum Assemani*. Prague, 1955.

Бунина, 1959 — Бунина М. К. Система времен старославянского глагола. М., 1959.

Вайан 1952 — Вайан Андре. Руководство по старославянскому языку. М., 1952 [ориг. изд.: Paris, 1948].

Грамматика 1991 — Грамматика на старобългарския език. Фонетика. Морфология. Синтаксис. София, 1991.

Деянова 1970 — Деянова М. История на сложните минали времена в български, сърбохърватски и словенски език. София, 1970.

- Достал 1963 — *Достал А.* К изучению категорий глагола в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага. 1963. С. 101—120.
- Зогр. — Jagić V., изд. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitane. Berlin, 1979 [репринт: Graz, 1954].
- Истрина 1923 — *Истрина Е. С.* Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923.
- Карский 1929 — *Карский Е. Ф.* Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи // Известия по русскому языку и словесности. Т. 2, кн. 1. Л., 1929. С. 1—75.
- Карташев 1994 — *Карташев А. В.* Вселенские соборы. 2—2 изд. М., 1994 [1-е изд.: 1963].
- Клоц — Dostal A., изд. Glagolita Clozův. Prague, 1959.
- Мар. — Ягич В., изд. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883 [репринт: Graz, 1960].
- Маслов 1957 — *Маслов Ю. С.* Глагольный вид в современном болгарском языке. Докт. дисс. М., 1957.
- Мейе 2000 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 2000 [ориг. изд.: 1924].
- Переписка — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981.
- Потебня 1958 — *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. 2-е изд. М., 1958 [1—2 изд.: 1874].
- Сав. кн. — Щепкин В. Н., изд. Саввина книга. СПб., 1903. (Памятники старославянского языка, т. I: 2).
- Селищев 1952 — *Селищев А. М.* Старославянский язык. Ч. 2. М., 1952.
- Син. Пс. — Северьянов С., изд. Синайская псалтырь: Глаголический памятник XI века. Пг., 1922 (Памятники старославянского языка, т. IV) [репринт: Graz, 1954].
- Син. Тр. — Геитлер Л., изд. Euchologium, glagolski spomenik manastira Sinai brda. Zagreb, 1882.
- Супр. — Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1—2. София, 1983. 6Л.
- Хабургаев 1974 — *Хабургаев Г. А.* Старославянский язык. М., 1974.
- Amse-De Jong 1974 — *Amse-De Jong Tine H.* The Meaning of the Finite Verb Forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis. The Hague-Paris, 1974.
- Comrie 1985 — *Comrie B.* Tense. Cambridge, 1985.
- Diels 1963 — *Diels Paul.* Altkirschenslavische Grammatik. 1. Teil. 2-е изд. Heidelberg, 1963 [1-е изд.: 1932].
- Dostál 1954 — *Dostál A.* Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
- Greek New Testament — The Greek New Testament. 4th ed. Stuttgart, 1998.
- Jakobson 1936 — *Jakobson Roman.* Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre // Travaux du Cercle linguistique de Prague. Т. VI. Prague, 1936. С. 240—288.
- King James 1974 — The Holy Bible. King James Version. New York, London & Scarborough, Ontario, 1974.
- Lunt 1974 — *Lunt Horace G.* Old Church Slavonic Grammar. 6-е изд. The Hague-Paris, 1974 [1-2 изд.: 1955].
- Pelikan 1971 — *Pelikan Jaroslav.* The Christian Tradition: A History of the Development of the Doctrine. Vol. 1. The Emergence of the Catholic Tradition (100-600). London & Chicago, 1971.
- Pelikan 1974 — *Pelikan Jaroslav.* The Christian Tradition: A History of the Development of the Doctrine. Vol. 2. The Spirit of Eastern Christendom (600—1700). London & Chicago, 1974.

Picchio 1984 — *Picchio Riccardo*. The Impact of Ecclesiastic Culture on the Old Russian Literary Techniques // Birnbaum H. & Flier M., eds. Medieval Russian Culture. Vol. 1 (California Slavic Studies, 12). Berkeley-Los Angeles-London, 1984. С. 247—279.

Schenker 1995 — *Schenker Alexander M*. The Dawn of Slavic: An Introduction to Slavic Philology. New Haven & London, 1995.

Schmalstieg 1983 — *Schmalstieg, William R*. An Introduction to Old Church Slavonic. 2-е изд. Columbus, OH, 1995 [1-е изд.: 1976].

Słoński 1926 — *Słoński C*. Tak zwane perfekturn v językach słowiańskich // Prace filologiczne. Т. 10. С. 1—33.

Vaillant 1977 — *Vaillant André*. Grammaire comparée des langues slaves. Vol. 5. La syntaxe. Paris, 1977.

Van Schooneveld 1959 — *Van Schooneveld C. H*. A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System. s-Gravenhage, 1959.

Večerka 1993 — *Večerka Radoslav*. Altkirschenslavische (altbulgarische) Syntax. Bd. 2. Freiburg, 1993.

Wittgenstein 1953 — *Wittgenstein Ludvig*. Philosophische Untersuchungen — Philosophical Investigations. Oxford, 1953.